

ИСТОРИЯ КОРОЛЕВСТВ

Давным-давно Эльфы, Оборотни, Великаны, Драконы, Люди и Морской народец жили в мире, на равных. Процветание царило в их землях и королевствах, а армии были настолько внушительными, что враги не смели нападать. Поколения сменяли друг друга, и народы стали забывать о самом важном: любви, отваге и верности.

Именно это их и погубило. Потакая своим желаниям и погружаясь все дальше в невежество, они позволили тьме просочиться в их земли подобно вору, снующему в ночи.

Началось все медленно.

Тщеславие поселилось в сердцах Морского народца, жадность овладела Драконами, жажда кровопролития возобладала над Великанами, алчность взыграла в Людях, гордость взяла верх над Оборотнями, равнодушие вытеснило из

сердце Эльфов сострадание. Говорят, что земля загрохотала и раскололась, сотрясая самое сердце мира. Как только толчки поутихли, горы Зазубренных Костей окружили Эльфийское королевство, отрезая его от всего остального мира. Драконы покинули собственное королевство и обосновались в Зазубренных Костях, внушая страх всем тем, кто приближался к их логову. С тех пор никому не удалось пересечь горы, хоть Великаны и пытались. Множество жизней было отдано в угоду бессмысленной жестокости, словно сами горы возжелали крови и ненависти. Став свидетелями стольких смертей, представители Морского народца удалились в свои водные глубины, упиваясь красотой моря и собственным великолепием. Когда же им хотелось развлечений, они предпочитали общаться с пиратами. Шли годы, а мифы исчезали из памяти. Эльфийское королевство превратилось в Густолесье. Великаны уединились в своем собственном королевстве Копал. Наемники, потомки пиратов, Сирен и Морского народца, основали Королевства Огненных Островов. Какое-то время Оборотни из Талаги поддерживали хрупкий мир с Людьюми из Хеймсерии. Ради выживания оба королевства нуждались друг в друге, но этому пришел конец с появлением нового растения и рождением королевского сына. Невиданное ранее растение было найдено в Талаге. Мимикия. После дистилляции она могла исцелить почти любую рану. Ее чудотворная сила считалась почти волшебной.

Безграничные возможности лекарства сделали его бесценным. Гордость за их открытие и собственную гениальность сподвигла Обратней на хвастовство. Слухи о новом источнике богатства дошли и до Людей. Они возжелали заполучить это чудотворное растение. Жажда овладела молодым королем, который стремился обогатить свое королевство. Его жадность положила начало новой эре кровопролития, предрассудков, зависимости и порока. Добро пожаловать в Темные Королевства.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Торн

— **Д**есять.
— Четыре.
— Десять, — повторила Торн, прищурившись.

— *Четыре.*

— Десять...

— Торн, мы оба знаем, что ты нигде в этом городе больше не выручишь.

Джонс, кузнец города Рубэлли, продолжал стоять на своем. Он скрестил мускулистые волосатые руки на груди, которую ничего не прикрывало, — и это несмотря на пронизывающий холодный ветер и покрытую снегом землю.

— Четыре, предлагаю в последний раз.

Джонс постоянно вел себя как заноза в заднице, но какая-то часть Торн любила торговаться с этим грубияном. Она посмотрела в сторону уходящей вниз тропинки, скользнув

взглядом по каменным крышам самых обычных домов, что выстроились по обе стороны дорожки подобно застывшим на месте солдатам. Несмотря на внешний вид городка, Торн считала его одним из лучших. Люди здесь в основном жили смелые, свирепые и прямолинейные. Ей нравился Рубэлль, невзирая на то что девять месяцев в году его покрывал толстый слой снега. К тому же он ближе всего располагался к Жутким Горам, в которых девушка занималась поиском разных интересных вещиц. Торн предпочитала продавать найденные предметы в родном городе, а не отвозить их куда-то еще. Однако отчаянные времена требовали отчаянных действий. В нынешнее время раздобыть сокровища — нелегкая задача.

Торн размяла шею и перевела взгляд на Джонса. Он строил из себя недотрогу. Вот только в итоге он *всегда* покупал то, что она находила. Предметы, добытые в опасных переходах через Жуткие Горы, отличались самым высоким качеством. Они часто выпадали из торговых повозок, что ехали из Копала, королевства великанов, в столицу Хеймсерии и попадали в шторм или подвергались нападению и грабежу. В роли охотницы за сокровищами ей приходилось видеть достаточно гнусные вещи. Люди готовы на все ради денег.

Не нужно притворяться, что ты лучше них.

Сжав челюсти, она отогнала мрачные мысли прочь. Не так просто выживать в этом мире,

будучи одинокой женщиной. Нужно постоянно делать выбор. Обычно в пользу того, что оставляет после себя шрамы.

— Ты правда будешь и дальше упрямяться? — мягко спросила она.

— Трудные нынче времена, милочка.

В его словах была горькая правда, но в этот раз он перешел все возможные границы. Однажды она принесла Джонсу красивый палаш¹. В другой раз ему досталось необычное ожерелье из редких жемчужин, нанизанных на нить из белого золота. На этот раз они торговались из-за полированного серебряного подсвечника, который стоил больше, чем она просила, — и они оба это знали. Торн прищурилась, глядя на здоровяка. Он пристально смотрел на нее в ответ.

— Смело с твоей стороны предполагать, что я попытаюсь продать его только здесь, — сказала она кузнецу, размахивая подсвечником. Серебро маняще поблескивало в мерцающем свете мастерской. — Я просто дала тебе возможность стать первым покупателем, вот и все. Так что, если ты не считаешь нужным заплатить полную цену этой вещицы, я просто уйду.

¹ Палаш — рубяще-колющее оружие с широким к концу, прямым и длинным клинком, который может иметь двустороннюю, но чаще — одностороннюю или полторную заточку, со сложным эфесом.

Торн успела сделать всего три шага по направлению к выходу, прежде чем с губ здоровяка слетел громкий вздох поражения.

— Подожди, девочка, подожди! — крикнул ей вдогонку Джонс, и губы Торн изогнулись в довольной улыбке.

Кузнец был предсказуем — это ей в нем и нравилось. Он всегда покупал то, что она предлагала. Девушка знала, что проданные ему ценные металлы будут переплавлены в заготовки для будущих смертоносных острых мечей. И их Джонс впоследствии продаст в десять раз дороже уплаченной ей суммы, поскольку она просила плату, покрывающую лишь стоимость сырья. В преддверии гражданской войны оружие пользовалось большим спросом.

Пальцы сжимали огромный подсвечник, чувствуя просачивающийся сквозь перчатки холод. Все: от солдат самого низкого ранга и простых горожан до людей побогаче, владели минимальной экипировкой, состоящей из самых заурядных доспехов и оружия. Но высокородные готовы потратить половину своего состояния на бесполезные, но прекрасные замысловатые мечи, рапиры и копья. Будто это позволит им участвовать в боевых действиях. Но аристократам всегда хотелось выглядеть соответственно, даже если острия их мечей никогда не касались ничего живого. Они делали это из чистого тщеславия.

Тщеславие, на котором ты живишь. Но лучше уж ты, чем кто-то другой.

Торн обернулась, и лицо обдало жаром кузницы.

Джонс снова вздохнул.

— Ты разоришь меня, Торн, — пожаловался он, а затем, порывшись в потайном кармане кожаного фартука, протянул условленные десять монет.

Девушка хохотнула.

— Верится с трудом. Надвигающаяся война пошла тебе на пользу, Джонс. Твое дело пошло в гору.

— Ты говоришь так, как будто мы не воюем уже несколько поколений. Чего бы я только не отдал, чтобы в моем кармане поубавилось монет, а вместо них дороги вокруг Жутких Гор стали безопаснее.

Его слова отрезвили девушку.

— Горы никогда не станут безопасными, даже если все войны прекратятся.

Торн оглядела взрослого мужчину и шрамы, обвивающие его толстую шею. В молодости Джонсу пришлось нелегко. Жизнь талаганца, Оборотня, в Хеймсэрии — испытание не из легких, особенно для молодого парня. К счастью для него, он нашел убежище в Рубэлле после побега из талаганской фермы смерти. Рубэлле представлял собой сборную солянку из различных культур и рас. *Принятие* стало их девизом. Пока вы относитесь к окружающим с достоинством и уважением, именно это вы и получаете в ответ.

Джонс закатил глаза.

— Оптимизм, Торн. Тебе он не помешает. Если столица станет тратить меньше денег и ресурсов на бессмысленные стычки с нашими соседями, тогда они смогут прислать сюда кого-нибудь из этих напыщенных пурпурново-волосых Гончих, чтобы они разобрались с бандитами.

— Осторожнее, Джонс, твои слова пахнут изменой.

Выступающие против короны рано или поздно оказываются мертвыми.

Выражение лица мужчины стало таким кислым, будто он съел испорченный маринованный огурец.

— Хотя, бьюсь об заклад, даже если наступит мир, никто из них не снизойдет до того, чтобы помочь нам.

— О, я бы не была так уверена, — ответила Торн, вспоминая о Гончей, которую она встретила несколько дней назад.

Их разговор оказался коротким, и женщина явно скрывала свою личность, но ей не удалось обмануть Торн. Она зарабатывала себе на жизнь тем, что пряталась в тени, стараясь не нарываться на проблемы с другими охотниками во время поиска сокровищ. Но опыт научил Торн глядеть в самую суть вещей, а не на то, что лежит на поверхности. Даже в переодетой Гончей крылось что-то такое, что говорило о ее честности, и, если верить слухам, Тэмпест — действитель-

но хороший человек. По крайней мере, насколько хорошим мог быть человек, который являлся одновременно наемным убийцей и будущей женой короля Дестина. Торн не подала вида из-за пробежавшей по телу дрожи. Ей довелось побывать в столице всего несколько раз. Однажды она мельком увидела короля, когда он шел по рынку, или скорее *крался*. В этом человеке было нечто жестокое и опасное. Король славился своей властью. И вопрос заключался в следующем: почему его нареченная пробиралась через Запретный Лес к Жутким Горам? И куда она исчезла?

Но вопросы лучше оставить на потом.

Джонс прищелкнул языком, отвлекая ее от размышлений, и подошел ближе. Девушка сунула деньги в карман и протянула ему серебряный подсвечник. Он осторожно взял сокровище из ее рук и посмотрел на открытый вход в кузницу. Его внимательные глаза осмотрели переулок. Осторожность никогда не помешает. Жители города в большинстве своем отличались достоинством, чего не скажешь о проходящих через город путниках. Она оглянулась через плечо и плотнее закуталась в плащ. Надвигался очередной шторм. Пронизывающий ветер пробирал до костей.

Девушка обернулась, когда Джонс прошел в глубь кузницы, чтобы спрятать свое новое приобретение подальше от любопытных глаз. Торн нахмурилась, заметив, что он стал силь-

нее хромать. Шрамы — не единственное, чем его наградили старые хозяева. Много лет назад они сломали ему ногу в двух местах, чтобы он не сбежал. Однако это не удержало Джонса от побега. Он спасся, заплатив невозможностью исправить свою походку.

— Ты пялишься, — пробормотал он, не обращаясь, так что она видела только его широкую спину.

Торн поморщилась.

— Насколько сильно болит?

— Достаточно сильно. — Он повернулся к ней лицом, прислонившись бедром к верстаку. — Надвигается сильный шторм. Моя нога никогда не лжет. — Джонс склонил голову набок. — Ты останешься на ночь, Торн?

Желудок скрутило в узел. *Заморозь меня, зима*, только не снова. Она покачала головой, из-за чего темно-красный шарф, обернутый вокруг шеи, открыл взору участок ее кожи. Взгляд кузнеца скользнул по левой стороне лица девушки к бледным шрамам, тянувшимся вдоль шеи и плеча. Торн не прилагала никаких усилий, чтобы скрыть их от него: Джонсу несколько раз удавалось увидеть состояние ее кожи. Шрамы были результатом пожара, который затронул большую часть левой стороны ее тела еще в юном возрасте. Большинство людей отшатывались от такой картины, но не Джонс, — это было одной из многих причин, почему Торн нравилось вести с ним дела. Он настоящий и чест-

